

Беседуют два человека, к чьим словам чутко прислушиваются люди в их странах: президент Чешской Республики Вацлав Гавел и главный редактор польской «Газеты выборчей» Адам Михник. Оба в ряду самых популярных — как и чешский президент, газета Михника лидирует в общественном мнении. Оба бывшие прославленные диссиденты, активисты: один — «Хартии-77», другой — «Солидарности». Они давние друзья.

Запись беседы, состоявшейся в Ланах, загородной резиденции чешского президента, заняла три полные полосы в 24-страничной «Газете выборчей». Собеседники проявили стремление к глубинному осознанию современной картины мира — от изменений в психике человека до оперативных сводок со сцены международной жизни.

«Что происходит с миром? В Югославии продолжается война, Советский Союз распался, а Россия стоит перед лицом великих потрясений. В Германии каждую неделю жестоко убивают иностранцев, в Италии впервые после второй мировой войны — крупный кризис демократической системы...» — так начал беседу Михник.

В ответ Гавел заметил, что на его родине размышления на эту тему часто трактуются как «непрактичное философствование или фантазии». Но современный мир обязан поставить перед собой такой вопрос.

Падение коммунизма как историческое событие еще недостаточно оценено — ни в самих посттоталитарных странах, ни на Западе. Для Запада исчезла главная угроза, которая его объединяла. Кончилась привычка к биполярному делению мира. Запад с надеждой ждал, когда царствование компартий рухнет, но оказался не готов к этому крушению. Очень непросто всем оказалось и для победивших демократов, бывших диссидентов.

«Еще долгие десятилетия мир будет приходить в состояние равновесия, — утверждает Гавел. — Взрыв национализма, популизма, терроризма, конституционных кризисов и т. п. — все это имеет связь со всеобщим шоком общества: шоком свободы». Вдобавок идеология коммунизма властвовала в странах, где и до нее не были решены проблемы собственного государственного бытия и взаимоотношений с соседями. Теперь сразу взорвалось все, что накопила история.

Процесс трансформации во всех посткоммунистических странах имеет схожие цели, но различные пути их достижения. «Когда-то были разные дороги к социализму, — заметил Михник, — а теперь — от социализма».

Нельзя, однако, не видеть и явных успехов. Таковыми, во всяком случае в Чехии, Гавел считает построение нормальных демократических и плюралистических структур. В течение 40 лет была подавлена не только демократия, но вообще политика: то, что обожествлялось коммунистами как «политика», на деле было административным с помощью иерархического аппарата компартии. Успех и в

Вот еще несколько фрагментов этой беседы.

А. Михник: Каждую из посткоммунистических стран подстерегают две ловушки, грозящие демократии. С одной стороны, это харизматический лидер, который, словно отец нации, лучше всех знает, чему и как надлежит быть. Другая опасность — хаос и анархизация политической среды, которая, уходя демократии и функционированию в правовом государстве, успевает дес-

как балласт. Политические партии, парламент, свободная печать — все это мешает исполнению «вождистской миссии».

Другая сторона — то, о чем ты говоришь: хаос. Конечно, в ситуации, когда все меняется, есть такая угроза, но, я думаю, от нее не уберезит ставка на «безошибочного вождя». От хаоса и от вождей-популистов нас может спасти только авторитет демократических институтов. А он создается годами...

неустанно решать вопрос своего существования в союзе с Великой Германией. Характерно, что у людей, голосующих за коммунистов или за республиканцев М. Сладака (а те твердят, что нам грозит немецкая колонизация), на дверях красуются надписи: «Циммер фрай» («Сдается комната»), — и они горят желанием заработать несколько марок на каждом немце. Это типично чешский феномен.

больше коллаборационистов. Общество не отождествляло себя с борцами Сопротивления, трактовало их как авантюристов, угрожавших безопасности народа (так же, как позднее диссидентов 70—80-х годов). Но по окончании войны вдруг появились тысячи псевдопартизан. Каждый из них, выпячивая свои заслуги, мстил немцам (даже тем, которые не сделали ничего плохого), надевал всякие ленты

не подписал, но по прежней конституции у президента не было права вето. Если бы я тогда не подписал этот закон, он все равно действовал бы. Это был бы только мой бунт, жест, который породил бы напряженность, войну между парламентом и мною, но не дал бы никакого эффекта. Во время моего недавнего визита в Польшу Яцек Куронь тоже критиковал меня за подписание закона о люстрациях, он не знал, насколько ограничены бы-

рующим, а другой атеистом, что один живет в Варшаве, другой в Праге. Гражданский принцип не подвергает сомнению ни один из аспектов понятия «Родины», он выше всех их. Единственный путь избежать извержения культа этничности есть настойчивая пропаганда принципа гражданского общества. И это нужно делать здесь, в Центральной Европе, а может быть, еще южнее, на Балканах, где народы и этнические группы так перемешаны, что построение государства на этнических основах — это опасная утопия.

В Югославии этнические конфликты не проявлялись, когда во времена Тито государство стояло на идеологическом принципе, который заглушал национальные проблемы. Как только этот принцип рухнул, дело сразу дошло до этнического взрыва: не хватило социальных сил, способных достаточно быстро форсировать гражданский принцип, который мог бы предупредить конфликты и войны.

Ни одна вера, религия, никакая идеология не могут быть государственной доктриной или идеологией. Государство должно опираться на идеи прав и свобод человека.

А. М.: Что значит выиграть или проиграть в политике?

В. Г.: Не каждый проигрывает с собой поражение. Этой мыслью я, кажется, решительно отличаюсь от других политиков. Во время своего президентства я потерпел много неудач, но, по моему, важнейший из успехов — правда.

А. М.: Политика — это искусство компромисса. Где для тебя тут граница?

В. Г.: Политики в самом деле должны идти на компромисс, особенно в условиях демократии. Но определить границу трудно. Важно искусство ощущать ситуацию. Я бы сказал также, что некий рубеж пролегал между содержанием и формой. Убежден, что, даже будучи президентом, я мог сказать все, что думаю. Но я связан формой, в какую должен это облечь, не могу говорить, как ты, главный редактор «Газеты выборчей». Должен говорить другим языком.

А. М.: А на какой компромисс ты не пойдешь никогда?

В. Г.: Ну, если бы парламент принял закон, содержащий какие-то расистские элементы, я отослал бы его на повторное голосование, а если бы последовало новое утверждение, то я наверняка вынужден был бы подумать об отставке.

А. М.: Твое интуитивное неприятие расизма очень важно, ибо живем мы в такое время, когда должны будем ответить на его вызов, глядя на то, что происходит в Боснии, в Германии, в бывшем Советском Союзе. Все это вокруг нас.

Леонид КОРНИЛОВ.
ВАРШАВА.

Адам МИХНИК

МИР ПЕРЕЖИВАЕТ ШОК СВОБОДЫ

gazeta WYBORCZA

«Газета Выборча», Польша

Вацлав ГАВЕЛ

том, что «нашлись люди, настолько компетентные, чтобы спустя несколько месяцев руководить министерствами — и это в период столь гигантской перестройки всей системы».

Шел разговор, разумеется, о разделе Чехословакии, о месте религии в государстве и в мире каждого человека («Я не могу согласиться с идеей Богаличности и потому не считаю себя католиком, — сказал Гавел, — но в общем, метафизическом смысле я верующий»), о роли интеллектуалов. Почему интеллектуалы, возглавлявшие антикоммунистическую оппозицию и затем занимавшие высшие государственные посты, сегодня вытеснены (или ушли) на политическую обочину?

Одну из многих причин Гавел видит в том, что весь характер поведения политика совсем другой, нежели у независимого интеллектуала. Но Гавел не признает заявлений, будто политика — это грязная работа, а мы, мол, чистые. Именно такой подход и делает политику грязной. А она должна быть, наоборот, трудом самым чистым — служением гражданам. Нельзя оставлять эту сферу деятельности запачканным людям, это наносит вред, это измена самому интеллекту, отказ от ответственности за окружающий мир. Политиком должны, по Гавелу, заниматься люди наиболее самоотверженные, наиболее прозорливые, такие, которые лучше других видят общую связь разных явлений.

табилизировать структуру государства и привести его к хаосу. А хаос нерасформируем, путь из него — только к диктатуре. Как эти проблемы выглядят сегодня в Чехии? Где они, бывшие харизматические лидеры?

В. Гавел: Во-первых, я не знаю, как распознать харизму, а еще меньше знаю, имею ли ее я. Думаю, скорее нет, потому что как только вижу себя на телеэкране, чувствую отвращение и выключаю телевизор.

А. М.: Харизма всегда для других, на себя ее причеряет только глупец.

В. Г.: Слышал я о таких вождях, у которых харизма прежде всего для себя... Но если серьезно, то политик, которому приходится от имени граждан принимать важнейшие решения, должен пользоваться уважением общества и вынужден заботиться о его симпатиях. Отвратительно, когда он начинает эксплуатировать свое влияние, чтобы обманывать людей, вести их ложной дорогой... Типичный пример — Гитлер, несомненно, обладавший и харизмой, и магией слова.

В условиях рождающейся демократии, естественно, существует опасность, что появится некто, предлагающий фальшивые ценности. Людям нужны гарантии безопасности, и на этом, собственно, спекулируют популистские лидеры, заявляющие: «Я — ваша гарантия. Я знаю, как надо решить ваши проблемы, я сделаю все за вас». Этот род вождей трактует демократию

А. М.: Как бы ты охарактеризовал основные черты популизма в нынешнем чешском обществе?

В. Г.: Чешский популизм в отличие от постсоветского, венгерского или польского более скромный, мягкий, более робкий, менее бросающийся в глаза. Поэтому что у нас все скромнее, мягче, менее смело, менее кричаще. В отличие от Польши или Венгрии, у нас в течение последних веков не было своей шляхты: ее истребили, изгнали из страны, онемечили. Наше национальное возрождение получило импульс от плебейских слоев, с чем связано уважение к демократическим традициям. Даже наши коммунисты, которые строили себе роскошные виллы и имели множество привилегий, не падали в такой византизм, как, скажем, Живков в Болгарии. Проще говоря, мы более плебейские, более демократичные (или, может быть, более «подстриженные»). Мы более мелкобуржуазны. Но в нас некое ощущение провинциализма, осмотрительности. Поэтому и чешские экстремисты не столь опасны, как в других странах.

Наши экстремисты по традиции делают ставку на национальные предрассудки и антипатии. Характерный пример — антинемецкие настроения, сформировавшиеся в последние столетия нашей истории, когда чешский народ должен был

А. М.: Да и в Польше то же самое...

В. Г.: Еще один красноречивый пример нашего популизма: подпитанная банальной завистью социальная демагогия, восходящая к 40 годам коммунистического воспитания и гласящая, что богатые эксплуатируют бедных, что стыдно владеть имуществом и вообще добиваться успеха. Интересно, что часто такое мнение высказывают люди, причисляющие себя к правым, ставшие вдруг «великими борцами за дело капитализма».

А. М.: Исторические связи чешской и немецкой культур были очень живыми. Прага была международным, космополитичным городом, тут по-немецки писал свои книги Франц Кафка. В одном из первых выступлений после «нежной революции» ты говорил о вине по отношению к судетским немцам. Постарайся объяснить, в чем сегодня проблема судетских немцев и как она соотносится с тем: историческими связями.

В. Г.: Я думаю, если наша страна намерена иметь какой-то авторитет, достоинство или перспективу, то ее существование не может зиждиться на обмане, ошибках или стереотипах мышления. Поэтому я всегда пытаюсь касаться самых болезненных мест нашего существования.

В годы войны у нас было много деятельных участников Сопротивления, но в тысячу раз

«красной гвардии» и увешивал себя медалями. Естественно, этим пользовались коммунисты, приручавшие людей, у которых рыльце в пушку. Неспособность противостоять злу и питает наше общество, ведет к тому, что когда зло наконец побеждено, возникает феномен запоздалой мести. Так было после войны, так и теперь с коммунизмом. Самые ярые мстители — те, что раньше имели кое-что «за ушами». Это все дела, о которых народ не любит слушать.

Нельзя требовать исправления истории, но надо честно, своим именем назвать выселение немцев и особенно эксцессы, случившиеся при этом.

Затрагивать непопулярные темы — это долг главы государства. Президент избран на пять лет, его не может отозвать парламент, так что он не столь зависим от меняющихся настроений избирателей, как политические партии. Он просто обязан говорить непопулярные вещи в интересах психического здоровья общества. Национальное сознание не может базироваться на стереотипах и фальшивках.

А. М.: Еще полтора года назад я спросил тебя о принятии чехословацким парламентом закона о люстрациях, который ты подписал. Может быть, это была единственная крупная твоя ошибка как президента...

В. Г.: Если бы мне сегодня предложили этот закон, я бы его

ли тогда мои полномочия. В Польше президент обладает правом вето, поэтому вы автоматически мыслите собственными категориями. Сегодня у меня тоже есть такое право, и этот закон я не подписал бы.

А. М.: В контексте войн на Балканах у меня есть впечатление, что и в нашем регионе ожидается опаснейшая утопия этнически чистого государства. Я слышу сегодня: Сербия для сербов, Хорватия для хорватов, Словакия для словаков.

В. Г.: Конечно же, я противник национального государства. Сказал бы больше: я на стороне противников национального принципа вообще. То, что можно назвать «наша родина», имеет много слоев: семья, окружение, профессия, круг интересов, вера, народ, круг европейских друзей, цивилизация и т. д. Если вычлени какой-то из этих слоев и вознести его над остальными, это станет началом беды: речь не только о национальном государстве, но и о религиозном, что мы видим сегодня, например, на Ближнем Востоке. То же и с государством, опирающимся на идеологию, в чем мы сами убеждались в коммунистическую эпоху. Все это ведет к войнам.

Я приверженец гражданского принципа и гражданского общества, поскольку они, по моему, включают понятие «Родина» во всей его полноте. Гражданский принцип спокойно признает, что ты поляк, а я чех, что один из нас может быть ве-